

У исторической карты народов мира

ШОРЦЫ

Шорцы — тюркоязычная народность, живущая в отрогах Кузнецкого Алатау, в бассейне среднего течения р. Томь и ее притоков Кондомы и Мрас-Су (Таштагольский, Мысковский и Кузедеевский районы Кеме-

ровской области). Численность шорцев, по данным переписи 1970 г., составляет около 16,5 тыс. человек¹. В XVII—XVIII вв. рус-

¹ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года». Ч. IV. М. 1973, стр. 11.

ские называли их «кузнецкими татарами», «кондомскими и мрасскими татарами», «кабинцами». Сами себя они называли ранее по именам родов (Карга, Кый, Кобый), либо волостей и управ (Таяш-Чоны — Таяшская волость), либо рек (Мрас-кижи — мрасские люди, Кондым-чоны — кондомский народ). За пределами родных мест они именовали себя Аба-кижи (аба — род, киж — люди), чыш-кижи (люди тайги). По наименованию рода «шор» алтайцы, хакасы и другие соседи обычно звали их шорцами. Этот термин получил распространение в XIX в., а позднее стал общеупотребительным².

Проблема происхождения шорцев сложна и не полностью решена. Складывание народности шорцев проходило на территории с населением сложного этнического состава, где на протяжении многих веков сменялись различные этнические волны. И хотя в археологическом отношении Алтае-Саянское нагорье достаточно изучено, вопрос о соотношении многих археологических культур с тем или иным этносом еще ждет своего разрешения. Антропологическое исследование шорцев позволяет говорить об общности элементов, лежащих в основе физического типа шорцев, хантов и манси. По происхождению шорцы близки северным алтайцам. При знакомстве с материальной и духовной культурой шорцев обнаруживаются многие черты, свидетельствующие об их сходстве с обскими уграми, самодийскими народами и кетами. Таким образом, в основе складывания шорцев как народности лежат, видимо, аборигенные элементы, общие и для угров, самодийцев и кетов, связанные, по всей вероятности, с существованием в прошлом (VI—IV тыс. до н. э.) обширной уральской общности. Гораздо позднее (в VI—IX вв.) шорцы подверглись тюркизации древнеалтайскими, уйгурскими и енисейско-киргизскими племенами, в результате чего произошло их частичное смешение с тюркскими и монгольскими племенами, которое не могло не сказаться на их языке, принадлежащем к тюркской семье. В XVII—XVIII вв. в состав шорцев влились пришедшие с севера (с Иртыша, из Кулундинской и Барабинской степей) телеуты — кочевники-скотоводы, принесшие шорцам некоторые черты монгольского оби-

хода и элементы сходства с алтайцами и хакасами, особенно в фольклоре.

По методам ведения хозяйства, по культурному развитию и по некоторым этнографическим особенностям можно выделить среди шорцев две группы: северные, или степные, и южные, или таежные. Их различия между собой определяются разными факторами: с одной стороны, типом хозяйства (большее значение придается скотоводству и земледелию у северных, охоте и рыболовству — у южных шорцев), с другой — большей степенью усвоения русской культуры северными шорцами. Население Южной Шории до Великой Октябрьской социалистической революции влечило особенно жалкое существование, что нашло отражение в их материальной культуре (типы жилищ, одежда, пища). Главным занятием шорцев было кузнечное дело. Они добывали и плавляли железную руду, изготовляя из нее кованые изделия, которые обменивали у кочевников на скот, войлок и пушнину, а в XVIII в. сбывали железные изделия русским купцам. Часто и дань они платили в виде котлов, таганов, оружия и доспехов. Именно этот род занятий шорцев и послужил основанием для наименований «кузнецкие люди», «Кузнецкая земля». Собирать с них дань означало «ходить в кузнецы». «Сии татары были прозваны кузнецами потому, — писал Г. Ф. Миллер, — что они железную руду плавят и из выплавленного железа делают всякую домашнюю посуду и принадлежащее к звериному промыслу орудие»³. Плавильные печи устраивали в глиняном полу зимнего жилища; применялись примитивные ручные меха. Железодельательной продукции изготовлялось сравнительно много, но к концу XVIII в. вследствие прекращения связей шорцев с кочевниками, а также из-за конкуренции русских кузнечных изделий шорское кузнечное производство почти исчезло.

Занимались шорцы и охотой, рыболовством, собирательством и примитивным земледелием. Охотились на крупного зверя (марала, оленя, лося, косулю) с помощью загородей, самострелов, облав и ям. До XIX в. посредством лука и железных стрел, а позднее ружей, полученных от русских купцов, добывали белку, соболя, лисицу, колонка, выдру, горностая, рысь. На пушного зверя ставили ловушки, петли и самострелы. В большинстве шорских хозяйств

² Л. П. Потапов. Очерки по истории Шории. «Труды» Института востоковедения АН СССР. Т. XV. М.-Л. 1936, стр. 6—7; «Народы Сибири». М.-Л. 1956, стр. 493.

³ Г. Ф. Миллер. Описание Сибирского царства. СПб. 1787, стр. 334—335.

охота имела значительный удельный вес (от 75 до 90%). «Звериная ловля,— свидетельствовал И. Г. Георги,— есть главное их дело, потому наипаче, что всякая дичина полезна им в рассуждении как шкур, которыми они подушный свой оклад очищают, так и мяса»⁴. Зимой охотились шорцы на лыжах, которые были двух типов — голицы и подшитые или подклеенные камусом из шкуры лошади, марала и оленя. Изготавливались лыжи из черемухи, березы или тальника. Охотник тащил на себе в тайгу ручную нарту либо волокушу со съестными припасами. Промышляли зверя артелями по 4—7 человек, уходя на 50—200 км от селения и устраивая в тайге общий шалаш. Хотя на зверя ходили по 1—2 человека, однако добычу делили поровну. Принципы первобытно-родового коллективизма сохранились и в распределении добычи при коллективном промысле: ею наделялся даже тот, кто не принимал участия в охоте, но встретился с возвращавшимся с промысла охотником или просто подошел к нему во время преследования зверя. Этот обычай отражен в фольклоре: «Два брата, загнав оленя..., его убили. Убив, шкуру содрали, мясо в шкуру обернули и к селению поволокли. Когда в селение возвращались, один человек огромного роста по снегу бежал. Близко подбежав, спрашивает: «Одну долю дашь ли?». Те два брата скупые люди были — не дали... Дома им отец сказал: «Хорошо не будет!». В том же году, когда два брата сеть на выдру ставить пошли, старший брат под воду ушел. Хозяин воды его утянул — так говорят»⁵.

Элементы коллективизма сохранялись и в рыболовстве, которое служило источником питания. На Мрас-Су оно составляло в общем хозяйственном балансе менее 40%, на Кондоме — более 70%, в низовьях рек было основной отраслью⁶. Хариуса, тайменя, язя, щуку, налима ловили удочками, сетями и неводами, которые плели из крапивы, а также ловушками, плетеными из тальника, били острой и стреляли из лука. Маленькие речки перегораживали. По реке передвигались с помощью шестов на лодках-долбленках и лодках-берестянках. Еще в XVIII в. шорцы-охотники сельским хозяйством не занимались. Они дополняли

охоту и рыболовство собирательством: «Понеже они к хлебопашеству не имеют способного случая, а скотом очень скудны, то все их пропитание сверх промысла зверей состоит из одних диких кореньев»⁷. Весной женщины собирали клубни, корни, луковичи и стебли различных дикорастущих растений — сараны, кандыка, черемши, дикого лука, борщевника, дикого пиона (марьин корень) и др. Орудием для выкапывания корней и клубней служила корнекопалка «озуп», состоявшая из черенка длиной 60 см с поперечной перекладной-педалью для ноги и железным лезвием-лопаткой на конце. Луковичи заготавливали на зиму в сушеном виде, корни и стебли закапывали в землю. Занятие собирательством нашло яркое отражение в шорских преданиях и сказках: «Та женщина со своим ребенком жила в верховьях реки Томи. В тайге кандык, сарану выкапывала. Так живя, ребенка своего кормя, выращивала»; «прежде брат и сестра жили. Старшая сестра кандык, сарану выкапывала, так питалась. Младший брат, в великой тайге зверя, птицу убивая, самострелы ставя, петли наставляя, охотился — так питался»⁸.

Широко практиковался сбор ягод и кедровых орехов для личного потребления, но с XIX в. они собирались для сбыта. За орехами отправлялись в тайгу семьями или артелями, оставаясь там на несколько недель и живя в шалашах. Тут же в лесу делали из дерева и бересты орудия и приспособления для промысла — молоты-колотушки, терки, сита, веялки, лукошки. Орехи сбывали торговцам или отдавали взамен за товар, в погашение долгов, за взятые ранее продукты. Сбор меда в дуплах был известен шорцам давно. От русских они переняли пчеловодство. Разводили пчел в долбленых из дерева колодах или дуплянках, изредка в ульях.

Еще до XVII в. некоторые шорские хозяйства занимались земледелием. Очистив от леса с помощью огня и топора место для пашни, шорцы взрыхляли землю мотыгами (абыл). Они сеяли ячмень, пшеницу и коноплю, из волокон которой изготавливали холст. Молотили зерно цепями, мололи его на ручных каменных мельницах. В северной части Шории, куда активнее проникала русская культура, земледелие было плужным. Для пахоты здесь использовали дере-

⁴ И. Г. Георги. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб. 1776, стр. 163.

⁵ «Шорский фольклор». М.-Л. 1940, стр. XVII.

⁶ Там же, стр. XXI.

⁷ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. III, половина 1-я. СПб. 1778, стр. 514.

⁸ «Шорский фольклор», стр. XXI.

вянную соху с железным сошником, для боронования — деревянную борону, для жатвы — серп, зерно молотило на водяных мельницах. У северных шорцев были в употреблении русская упряжь, телега и сани. Навыки скотоводства северные шорцы усвоили от русских крестьян. Оно носило оседлый, стойловый характер. Кобылиц не доили, не изготавливали молочных продуктов. В стаде преобладали лошади.

До вхождения в состав Российской империи (XVII—XVIII вв.) предки современных шорцев находились на положении данников тюркских каганов, уйгурских ханов, киргизских правителей, монгольских или калмыцких феодалов. Вхождение в состав России способствовало избавлению шорцев от этой даннической зависимости, развитию их хозяйства и культуры, особенно благодаря сближению их с русским крестьянством. О нелегкой жизни до установления Советской власти шорцы вспоминали так: «Жить было трудно и голодно. Зверя в ясак отдавали, за долги торговцам, есть нечего было. Ячменя сеяли мало, тайга мешала, скота не держали, все больше промышляли. Женщины помогали мужчинам добывать зверя. Зимой уходили семьями в тайгу и там жили в деревянных шалашах... Летом жили по речкам и занимались рыбной ловлей...»⁹.

Обитали шорцы в небольших селениях-улусах (аал), чаще всего в маленьких и низких срубных четырехугольных домах-юртах с берестяной крышей. Отапливались они глинобитным очагом типа открытого сибирского камина-чувала. С конца XIX в. шорцы стали строить избы русского типа, особенно быстро распространившиеся на севере Шории. У богатей были двухэтажные дома, крытые тесом или железом. Но еще в XVIII в. почти повсеместно зимним жилищем служила срубная полуземлянка, а в качестве сезонного жилища использовали шалаша различной конструкции (одаг и агыс). Одаг сооружался из бревен или жердей наподобие конического шалаша; агыс — каркасное шатровое жилище из бревен, досок, жердей, крытое ветвями или берестой, с земляным полом и костром в центре. Дым выходил в щель, которая находилась в крыше постройки. Жилище строилось в форме усеченной пирамиды и имело сходство с некоторыми вариантами подобного рода жилищ у других народов Сибири (хантов, манси, кетов, селькупов).

⁹ Л. П. Потапов. Указ. соч., стр. 23.

Такое жилище возводили на пашне или в тайге на время сельскохозяйственных работ или охоты, заготовки орехов. Однако бедное население Южной Шории нередко использовало эти временные жилища в качестве постоянных зимних, утепляя их с помощью бересты и слоя земли. Охотничий шалаш-одаг сооружался чаще всего из молодых деревьев и веток, прислоненных к дереву, с земляным полом, устланным пихтовыми ветвями. Продукты, зерно, снасти хранили на помостах или в срубных свайных амбарах, также имевших много схожего с обско-угорскими¹⁰.

Различалась одежда южных и северных шорцев. Так, если северные шорцы шили ее чаще всего из покупных тканей, овчины или носили покупную одежду русского образца (особенно зажиточные), то южные — из домотканых, изготовлявшихся из волокон конопли и кендыря. Мужская и женская одежда мало отличалась друг от друга и состояла из рубахи, штанов и халата (шабур) с вышивкой у ворота, на обшлагах или подоле. Зимой надевали несколько халатов. Их носили, запахивая слева направо и подпоясывая кушаком (тюркская черта), или нараспашку, как у обско-угорских народностей. На севере Шории мужчины зимой носили овчинные шубы, крытые материей. На ноги, предварительно обмотав их специально заготовленной мягкой травой-осокой, надевали кожаные сапоги-чирки с длинными голенищами (у бедных — из кендыря). Головным убором женщинам служили платки, мужчинам — картузы из ткани, кожи и даже из бересты либо своеобразные круглые холщовые шапки типа усеченного колпака с круглой, нередко вышитой тульей, на макушке собранной в сборки, пришитые к кружку из ткани. Для зимы на тулью нашивали шкуру кабарги¹¹. Холст ткали на примитивных станках из волокон не только конопли и кендыря, но и крапивы. В домашних условиях обрабатывали шкуры животных. Выделывая из шкур кожи, их вымачивали, сушили, смазывали особым составом, мяли в самодельных кожемалках, продымливали в земляных печах или на костре. Из бересты и дерева изготавливали посуду и прочую утварь. Домашнее произ-

¹⁰ «Историко-этнографический атлас Сибири». М.-Л. 1961, стр. 137—147.

¹¹ Л. П. Потапов. Одежда алтайцев. «Сборник» Музея антропологии и этнографии (МАЭ). Т. XIII. М.-Л. 1951; «Народы Сибири», стр. 509—510; «Историко-этнографический атлас Сибири», стр. 234, 285, 334.

водство лежало в основном на плечах женщин. Мужчины же были заняты промыслами, а также некоторыми домашними работами, связанными с обработкой дерева, рога, кожи.

Шорские предания свидетельствуют о том, что в старину основным продуктом питания было мясо зверей: «Давным-давно тому назад было. У подножья тайги, на берегу воды, юрту поставив, мать и ребенок жили. Мясо зверей и птиц на огне жаря, в берестяном казане снег оттаивая, питаясь, жили»¹². Рыба, дикорастущие растения тоже широко употреблялись в пищу. Лук, черемшу, кандык и др. ели сырыми, кандык, сарану варили в воде или молоке, сарану пекли в золе, черемшу солили. Корни дикого пиона сушили и варили несколько раз, чтобы уничтожить их ядовитость (если они были собраны не ранней весной, когда менее ядовиты), растирали на ручной мельнице и готовили кашу или лепешки. С развитием земледелия у северных шорцев в их рационе стали преобладать мука и крупа из ячменя. Из них варили кашу (саламат), добавляли их в суп, кусочки теста варили в воде, иногда с рыбой или мясом, либо в молоке; пресные лепешки варили в кипятке и ели с супом или ухой. Из ячменной муки делали брагу. У степных шорцев большую роль в пище играли молочные продукты: блюда из кислого молока, сыр, творог, масло¹³. Мясо ели редко, главным образом добытое на охоте. Конину могли покупать только зажиточные слои населения.

В середине XIX в. основной единицей шорского общества являлась большая семья (тöль). Но еще тогда в общественной жизни шорцев, особенно южных, были сильны первобытнообщинные отношения. Границы волостей или административных единиц совпадали с территорией расселения родов, в селении жили представители одного рода, ясак и подати раскладывались внутри рода, родовые пережитки сохранялись в обычаях, обрядах, семейно-брачных отношениях, религиозном культе. Хотя род был основан на отцовском праве, бытовали и остатки материнского права. Члены одного рода называли себя «карындаш» (единоутробный). Обнаруживаются также следы матрилокального брака. Охотничьи угодья были закреплены за отдельными родами

(«вся местность обитания черневых татар разделена на отдельные «тайги», и в каждой хозяйничает тот или другой род»¹⁴), а позднее, с разложением рода, они перешли в пользование «фамилий», или больших семей. В большие семьи входили 2—3 поколения близких родственников, которые жили вместе, имели общую собственность и вели совместное хозяйство. К концу XIX—началу XX в. в среде северных шорцев стали развиваться территориальные связи. Большое влияние на развитие новых отношений оказывали рост производительности труда благодаря внедрению технических новинок (ружей, пил, топоров высокого качества и пр.), торговля, замена натурального обмена денежными отношениями. Большая семья стала распадаться на малые, начали развиваться даже классовые отношения. Среди шорцев выделялись богатые торговцы и ростовщики, скупщики пушнины, родовая администрация, эксплуатировавшие своих соплеменников. Таким образом, накануне Великой Октябрьской социалистической революции шорцы находились на стадии перехода к классовому обществу.

До Великого Октября шорцы были почти полностью неграмотны. В 1900 г. грамотность среди них не превышала 1%. Эти немногие представители шорцев-богачей обучались в церковно-приходских и миссионерских школах, а также в миссионерском училище, готовившем школьных учителей, миссионеров, псаломщиков. Русские миссионеры для их обучения приспособили русский алфавит к шорскому языку. Издавалась для этой цели только церковная литература.

Шорцы выработали собственные, нередко фантастические представления о мире, природе. Они хорошо знали местную географию, топографию, особенности и повадки животных, имели познания в области народной фенологии и народной медицины, пользовались лунным календарем, установили свои меры веса и длины.

У шорцев были развиты богатый фольклор и изобразительное искусство (резьба, выжигание по кости, вышивка). Характерные для шорского фольклора охотничьи рассказы и легенды рисуют предков шорцев как пеших охотников-звероловов. Среди северных шорцев бытуют и героические

¹⁴ А. В. Адрианов. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. «Записки» Русского географического общества по общей этнографии. Т. XI. 1888, стр. 317.

¹² «Шорский фольклор», стр. 289.

¹³ Л. П. Потапов. Пища алтайцев. «Сборник» МАЭ. Т. XIV. М.—Л. 1953.

былины, созданные в XV—XVIII вв. и занесенные к ним тюркоязычными телеутами. Их рассказывают речитативом под аккомпанемент двухструнного музыкального инструмента-комыса. Широко были распространены у шорцев ранние формы религиозных представлений¹⁵, имевшие отношение к промысловому культу, родовому культу гор, шаманизму. К промысловому культу, тесно связанному с охотничьим промыслом, относятся культ медведя, обряды, посвященные его умиловивлению и возрождению. Для умиловивления духов — хозяев гор, тайги и рек приносили в жертву лошадей, а в более раннюю пору, как гласят легенды, и людей. Шаманские камлания устраивались для достижения удачи в промысле или по случаю болезни. Бедняки должны были отработать шаману за камлание. Шаманы, пользуясь невежеством населения, эксплуатировали низы шорского общества.

В условиях Советской власти появилась возможность реконструировать отсталое хозяйство и быт, развивать культуру, здравоохранение, просвещение шорцев. Им была оказана большая помощь со стороны Советского государства, выразившаяся в денежных ссудах, снабжении семенами, скотом, сельскохозяйственными машинами, отправке в Горную Шорию специалистов сельского хозяйства. Эти мероприятия, а также коллективизация хозяйств способствовали укреплению экономической жизни шорцев. Большое значение для Горной Шории имела индустриализация края, выразившаяся в широком промышленном развитии Кузбасса. Для шорцев была создана письменность и введено обучение на родном языке. В 1927 г. вышел первый шорский букварь, издана учебная литература на шорском языке. Создавались национальные кадры. Уже в 1935 г. в шорских школах преподавали 64 учителя-шорца. На шорский язык были переведены произведения русской классики. Благодаря этой системе мероприятий за годы Советской власти выросла шорская интеллигенция (учителя, врачи, работники культурно-просветитель-

ных учреждений и др.). Появилась и стала развиваться шорская литература. В 1938 г. вышел сборник произведений местных поэтов «Новая Шория». Интересно творчество талантливого шорского поэта Ф. С. Чеспиякова, члена Союза писателей СССР.

Шорцы быстро прогрессируют и в социально-экономическом отношении. Среди них появилось много рабочих. Шорцы являются первооткрывателями крупных месторождений железа. Например, известный Таштагольский рудник открыт шорцем В. Скворцовым, знаменитый Шарагашов рудник — шорцем А. Шарагашовым. Шорцы работают на рудниках наравне со специалистами других национальностей. Известны имена видных мастеров-проходчиков шорцев В. Табаргина и Д. Пожлакова, которые не только были отличными мастерами своего дела, но и обучали молодых рабочих. Больших успехов достигло у шорцев сельское хозяйство. Они получили современную технику. Многие хорошие специалисты выросли из среды шорского крестьянского населения. Помимо колхозов и совхозов, в которых работают шорцы, созданы промысловые хозяйства, объединяющие бригады охотников. Для них в тайге организованы промысловые базы и избушки. В тайгу охотников доставляют вертолеты. Самолеты привозят им свежие газеты, журналы. В годы Великой Отечественной войны шорцы, как и весь советский народ, доблестно защищали Родину и трудились в тылу. Среди Героев Советского Союза, отдавших свою жизнь за свободу и независимость нашей Отчизны, есть и шорец М. М. Куюшев.

Сейчас шорцы двуязычны: они пользуются родным языком в семейном быту, но используют русский язык в повседневной работе, в общении с представителями других национальностей и в процессе повышения культурного уровня. Коренным образом изменился быт шорцев: они живут в современных электрифицированных и радиофицированных поселках, в новых домах; их одежда, обувь, мебель, утварь — общеродского типа. Социалистическая жизнь и быт современных шорцев — это наглядная реальность сегодняшнего дня.

З. П. Соколова

¹⁵ См. рец. Л. П. Потапова на книгу «Шорский фольклор» (М.-Л. 1940). «Советская этнография», 1948, № 3.